

Европа: взгляд из Москвы

После нескольких мегапроектов минувших лет – напомним, это Моцартовский (2013) и Баховский (2014) марафоны, – известная пианистка, неумолимый просветитель и музыкальный первопроходец Наталья Рубинштейн решила сосредоточить силы на чем-то малом: провести компактную «Неделю европейской музыки»

Александр ЦЕРЕТЕЛИ

Татьяна Сиверская ►

Агнес Пика ▼

Идея такова: не слишком углубляясь вглубь веков, показать в небольшом количестве концертов ретроспективу европейской камерной музыки рубежа XIX-XX веков. Впрочем, проектам Натальи всегда свойствен широкий размах крыльев, и под скромной обложкой таится масштабный замысел. В три вечера удалось вместить столько музыки, причем исполняемой впервые, что даже знатоки почесывали затылки, вчитываясь в афишу.

Действительно, уложились в неделю: два вечера посвятили Франции, заключительный отдали Испании. Уютный Зеркальный зал Института искусствознания был неизменно полон, артистов – особенно московских – встречали с энтузиазмом. Концерты Натальи Рубинштейн отличаются от всего, к чему мы волея-неволей привыкли. Ее артистическое чутье позволяет создавать события, абсолютно непохожие на наш музыкальный быт. В них нет ни глянца, ни пафоса, ни тем более академической высокопарности. Музыка рождается естественно и на глазах, слушатель как бы участвует в этом процессе.

Всегда очень силен момент просветительский. Если выпускается буклет – то на самом высоком уровне, как по содержанию, так и в полиграфическом смысле. Его не стыдно поставить на полку и совершенно необходимо сохранить в архиве. Если же на буклет не хватает денег – именно так случилось в этот раз – то организуется грамотное ведение. Не ветшающая телеперсона, изрекающая замшелые трюизмы, а серьезный музыковед, умеющий говорить и вообще общаться с публикой. Таковой оказалась Татьяна Сиверская, которой выпала задача комментировать всё – не только более-менее известные сочинения, но и подлинные раритеты, звучавшие в Москве впервые. Несколько позже мы сможем добавить добрые слова в ее адрес, сейчас же отметим также хорошую дикцию и ясное произнесение, ставшее в последнее время редкостью не только в концертах – но и на волнах иных радиостанций.

Коснемся некоторых произведений. В первой же программе столкнулись два знаковых имени французской музыки: Сен-Санс и Пуленк. Почти каждый слушатель считает себя знатоком музыки Сен-Санса: как же, балетный «Лебедь», да еще и вот это... все скрипачи играют... да – Интродукция и рондо-каприччиозо! Разумеется, Сен-Санс заслуживает иного отношения. Расцвет камерной музыки в середине XIX века во Франции однозначно связан с его именем: композиторская молодежь, живущая мечтой о музыкальном театре, не имела каких-либо перспектив: сцена была в руках стареющих мэтров, не помышляющих уступить дорогу молодым. «Тогда мы идем в концертные залы!» – возник естественный лозунг, и автором его был не кто иной, как Камиль Сен-Санс! В орбиту его влияния оказались втянуты все, кому были дороги пассионарные идеалы Республики; рядом с мечтой о музыкальном театре выросло могучее древо камерного музицирования – и плодов его хватало не только для наслаждений целого века, но и в наступившем тысячелетии на мощных корнях традиции продолжают расти новые цветы.

Концерт открылся изысканным Каприччио на темы датских и русских песен для флейты, гобоя,

кларнета и фортепиано ор.79. Сочинение написано весной 1887 года для русской императрицы (жена Александра III была, как известно, дочерью датского короля). Спустя полтора века оно воспринимается с той же свежестью, что и в момент посвящения, ничего не утратив в своем совершенстве.

А во втором отделении царил Франсис Пуленк: виртуозное Трио для гобоя, фагота и фортепиано, и после него гениальный Секстет для флейты, гобоя, кларнета, фагота, валторны и фортепиано. Можно сожалеть, что эта живая музыка так мало нам известна – а ведь Пуленк был весьма ценен как публикой, так и профессионалами! В окружении Равеля говорили, что Пуленк прекрасен тем, что сам создает народные мелодии! Его изобретательность была беспримечной; для звукового воплощения своего Секстета он мастерски использовал всё доступное многообразие инструментальных сочетаний. Слушая эту энергичную и тонкую музыку, вы погружаетесь в подлинный «пир интеллекта» вкупе с музыкальной красотой, которую невозможно выразить словами. Добавим сюда стихию движения, которую он, Пуленк, взял, кажется, прямо от мастеров барокко – настолько органично и живо всё в его музыке! Секстет оказался самым масштабным в этом концерте, и самым глубоким в художественном отношении, что объясняется, безусловно, богатством самой музыкальной мысли автора.

Самое время сказать о молодых и весьма мастеровитых исполнителях. Называются они «Духовой ансамбль Московской консерватории», все как один – лауреаты международных конкурсов, и имена солистов заслуживают того, чтобы быть названными: Андрей Санников (флейта), Алексей Балашов (гобой), Николай Агеев (кларнет), Илья Каштан (фагот), Арсений Самсонов (валторна). Скажем в завершение, что играть непростую партию рояля, и тем самым сдерживать мощь духовиков-мужчин, выпало хрупкой, но отлично вооруженной Ирине Красотиной, чей фортепианный голос вступал в отважные состязания – и неизменно выигрывал! – во всех без исключения ансамблях!

Не меньше занимательности обнаружила испанская программа. Изыск был заявлен изначально: часто ли, читатель, вы слышите музыку Хоакина Турины? А композиторы Альберт Джиноварт или Сальвадор Бротонс – хорошо ли вам знакомы – если вы когда-либо слышали их имена вообще? Между тем, интрига коренилась уже в первых строках: нам пред-

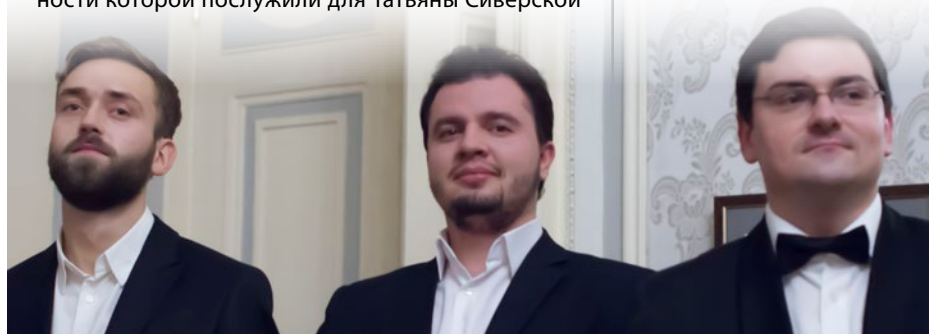

лагались четыре сонаты Скарлатти – внимание! – в транскрипции Энрике Гранадоса!

Какая транскрипция? – подумает подкованный слушатель-читатель. Всем известно, что Сонаты Скарлатти играют на чем угодно – хоть на арфе или гитаре, их клавишинное происхождение давно сменилось рояльной участью – какие же тут транскрипции?

Всё оказалось сложнее. Идея творческого диалога композиторов различных эпох, актуальная на рубеже веков, приобрела для Гранадоса новое и важное звучание. Он смело вводил в фортепианный исполнительский репертуар шедевры клавишной музыки минувшей эпохи. Авторитет его был настолько высок, что аранжировка национального гимна Испании была поручена именно ему – и издавалась под названием «Королевский марш».

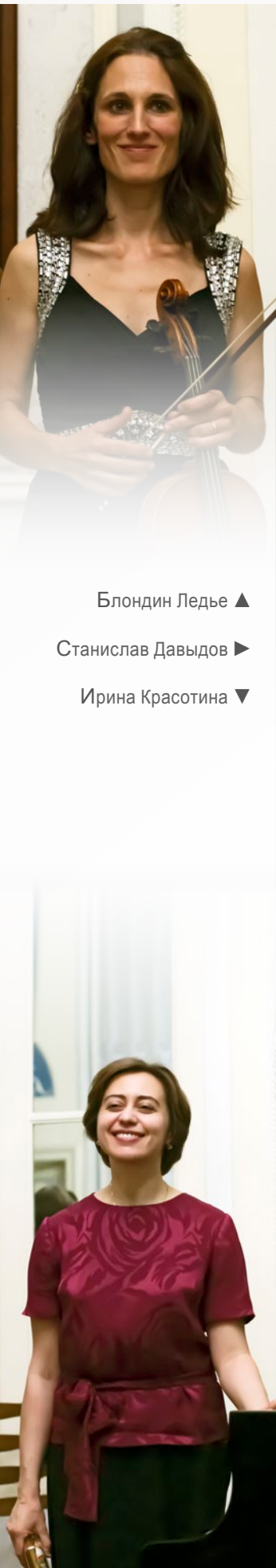
«Двадцать шесть неизданных сонат для клавира, созданные в Испании для Королевской семьи (1729–1754), аранжированные в свободном стиле для фортепиано пианистом и композитором Энрике Гранадосом с предисланным Критико-биографическим очерком Фелипе Педреля» – таково название сборника, который он издает в Барселоне в 1905 году. Четыре сонаты из этого сборника и были объявлены в программе – и смелость Гранадоса-транскриптора не может не восхитить! Акцентированные басы и удвоения, россыпь пассажей, которую он не позволял себе в собственных сочинениях – все эти признаки большого стиля преображают облик знакомых скарлаттиевских миниатюр. Они предстают как бы одетыми в рыцарские доспехи – или в какой-нибудь еще карнавальной маске. Играя Сонаты, Ирина Красотина показала серьезную пианистическую вооруженность в сочетании с тонким многообразием фортепианного звука. Кроме прочего, она оказалась еще и автором диссертации, многие подробности которой послужили для Татьяны Сиверской

▲ Ирина Красотина, Илья Каштан, Николай Агеев

◀ Кирилл Кравцов

▼ Арсений Самсонов, Андрей Санников, Николай Агеев

Блондин Ледье ▲

Станислав Давыдов ►

Ирина Красотина ▼

материалом для содержательного и яркого ведения концерта.

Скажем больше – эти материалы послужили основой для понимания впервые прозвучавшего в России Трио Альберто Джиноварта для валторны, скрипки и фортепиано с программным названием «Разбитое зеркало». Джиноварт – ценный в Испании композитор и пианист, его имя неизменно звучит в классическом ряду Гранадоса, Момпу и Монтсальвадже. Символика течения времени и одиночества, отражения правды и искренности, чувств и совести, но также аспекты иллюзии и лжи – вот идеи, инспирируемые этой музыкой. Развитая фортепианная партия позволяет угадать фрагментарность отдельных эпизодов. Засурдиненная скрипка (Кирилл Кравцов) создает щемящую атмосферу ностальгии. И только в третьей части вальс, перебиваемый маршеобразным движением у валторны (Станислав Давыдов), позволяет уловить замедленное возвращение начального тематизма, символизирующее бесконечность круговращения бытия.

Жемчужиной же концерта оказалась Соната Бротонса для кларнета и фортепиано. Сальвадор Бротонс, значимый композитор Каталонии, создал двухчастное произведение, в котором рояль как бы дискутирует с кларнетом о чем-то важном, то соглашаясь, то, наоборот, вступая в энергичное противодействие. Решительное вступление фортепианной партии выдержано в импрессионистских тонах, кларнет же (Николай Агеев) ведет свою романтическую линию с подчеркнутой сдержанностью. Постепенно противоречия сглаживаются, собеседники начинают прислушиваться друг к другу и даже копировать свои голоса. Но вот наступает вторая часть, которая сама распадается на два эпизода. И в первом из них лидирует кларнет – но как! Затуманенный голос *sotto voce* звучит на выдержанном пианиссимо, его речь настолько проникновенна, что фортепиано утрачивает свои амбиции – его голос вступает робкими репликами. И когда возвращается игровая стихия – она уже не та, что в первой части: собеседники уже не спорят, они стали понимать друг друга, и короткая кода демонстрирует гармонию и воодушевление участников.

А что же третий концерт, спросит внимательный читатель? Расскажем и о нем, о том, какие случаются парадоксы: повесть о том, как опасно чрезмерное совершенство.

Итак, весь концерт был поручен струнному трио из Франции под названием *Des Quilibrés*. Открытие концерта: впервые исполняемое в России трио «Любовь и жизнь женщины» (1995), автор – наша современница, живущая во Франции Грасьян Фензи, отметившая свое 70-летие. Сообщается, что трио написано по картинам Мориса Дени. Сама же мадам композитор говорит о своем творчестве и понимании музыки вот что: «Музыка – это чтение, игра, выдумка, импровизация, труд, любовь, пение, плач, забытие, возвращение, всегда – возвращение. Я думаю, что это – единственное искусство, где феномен удовольствия усиливается, когда мы слушаем несколько раз один и тот же мотив, один и тот же пассаж или одно и то же блестящее исполнение». Наверняка читатель ждет расшифровки аллюзий к Шуману, или к Шамиссо,

или может быть – символического описания в духе Стефана Цвейга... Ничуть не бывало. «Игра, выдумка, импровизация, труд, любовь, пение» – этого сколько угодно! Наверное, французское понимание любви и жизни женщины слишком далеко от немецкого; мы слышим отвлеченное сочинение, перебор не лишенных интересности эпизодов, ни один из которых не «зацепляет» нашей фантазии.

Затем – последнее сочинение Альбера Русселя – Струнное трио, ор. 58, созданное в 1937 году. Пожалуй, услышать это Трио – большая удача для понимания особенности его творческого пути: Руссель был единственным композитором, сознательно ушедшим от импрессионизма. Именно в последний период он нашел свой «окончательный стиль» – неоклассицизм. Он оставался авангардным композитором, но звучание его произведений постепенно становится всё более прозрачным и ясным. Нам важно понимать, что, сохраняя самобытность творческого *credo* – Руссель, в отличие, скажем, от Сати или Стравинского, никогда не избегал выражения ярких и сильных эмоций. В этом смысле его неоклассицизм можно было бы назвать отчасти бетховенским: музыковедение не стесняется такого сближения.

И наконец – тоже впервые: Жан Эмиль Поль Крас. В биографическом плане его не без иронии называют французским аналогом Римского-Корсакова: военный моряк, он дослужился до контр-адмирала. Правда, аналогия на этом кончается: Крас был равнодушен к опере, зато камерные сочинения в его творческом наследии занимают центральное место. Струнное трио создано в 1927 году. Пространное четырехчастное сочинение очень уместно завершало программу концерта – способность слушателей воспринимать была близка к пределу. Ансамбль играл великолепно – но избыточность совершенства подобна переслащенному чаю: вкусовые рецепторы утрачивают чувствительность. Завершение этого концерта было воспринято с облегчением!

Не успел завершиться один цикл, как Наталья Рубинштейн уж анонсировала следующий, не менее прекрасный проект, посвященный венской музыке эпохи Габсбургов. Он состоится в рамках концертной серии «Вторники на Козицком».

Фото Натальи Щепетновой